

Виталий Коновалов

СКАЗКИ И АНТУСКАЗКИ

Виталий Коновалов

Сказки и антисказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144851

ISBN 9785449366931

Аннотация

Почему вымерли джинны? Как устроены волшебные колодцы? Что едят на завтрак юные жители Пентабраны? Нужны ли в аду специалисты по рекламе? Сказки и антисказки и их герои – мудрые Волшебники, прекрасные Принцессы, огнедышащие Драконы – большие и грозные, но добрые и по-щенячьи трогательные – дают ответы на эти и другие вопросы. И даже в наше время, когда принцессы почти перевелись, волшебников не осталось, а коты в многоэтажках охраняют целомудрие не хуже драконов и башен, случаются чудеса.

Содержание

Сказки	5
Сказка о реке времени и волшебном колодце	5
1002-я ночь Шахерезады	20
Еще раз про Ивана-царевича	27
Иванушка-Дурачок и Василиса Премудрая	31
Сказка о мертвой царевне и настоящей Любви	34
Сизиф	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сказки и антисказки

Виталий Коновалов

Дизайнер обложки Варвара Коновалова

© Виталий Коновалов, 2019

© Варвара Коновалова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-6693-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки

Сказка о реке времени и волшебном колодце

Если ты пойдешь за тридевять земель, на дальней границе тридесятого царства, на перекрестке двух дорог ты увидишь маленькую харчевню, а если от нее отправишься дальше по Западной дороге, то через неделю внизу, в горной долине, ты увидишь маленькую лесную страну. Так вот, давным-давно в этой стране жила-была маленькая девочка. Выросла она, и влюбилась в юного рыцаря.

Рыцарь ушел на войну, а когда вернулся, оказалось, что он вовсе не такой прекрасный, к тому же грубый, глупый и эгоистичный.

*– И пошла маленькая девочка к злой колдунье.
Просить её превратить рыцаря в жабу.*

– Не перебивай. Ничего не случилось с рыцарем, живет он где-то в свое удовольствие, пиво пьет и лазит под юбки к служанкам. А вот сердце этой девочки замерзло. Стало холодным, как у лягушки...

Однажды девочка пошла в лес, устала, захотела пить и стала искать воду.

– *Кстати, надо бы ей имя придумать, что это мы ее все «девочка» зовем? Тем более, что она с начала сказки успела подрасти и стать девушкой)*

– *Пусть её Момо зовут!*

– *Ладно!*

Долго ли, коротко ли, ходила она по лесу и нашла волшебный колодец... «Ау!» – крикнула она в колодец. А колодец ей возьми и ответь: «Здравствуй, красна девица, что пить будешь?»

– Воду. – сказала девочка, а про себя подумала: «А разве еще что-то в колодце бывает?»

– Бывает, – ответил колодец. – В волшебных колодцах все бывает, и всегда именно то, что тебе нужно именно сейчас. Сейчас тебе жарко, в колодце вода, будет холодно, тогда налью тебе горячего чаю...

– А зачем ты тогда спрашивал, что мне нужно, если ты и сам все знаешь? – спросила Момо.

– А для разговору, – ответил колодец. – Тебе же одиноко и не с кем поговорить...

– Глупости! – фыркнула Момо. – Вовсе мне не не с кем поговорить, просто я ни с кем разговаривать не хочу, они все тупенькие какие-то!

– Случается такое... – вздохнул колодец. – Хочешь мятного лимонада?

– Наверное, хочу... – ответила она...

И вот так, слово за слово, просидела Момо у колодца

до самого вечера...

А вот теперь самое время поговорить про то, как устроены волшебные колодцы. Если обычный колодец – это просто дырка в земле, которая открывается в подземное озеро или речку, то волшебный колодец – это совсем другое дело. Разумеется, сам по себе колодец, даже волшебный, говорить не умеет. Простой колодец повторяет слова, которые в него говорят стоящие возле него люди, а волшебные – слова, которые говорят люди, стоящие у другого волшебного колодца, потому что волшебные колодцы – это дырки в ткани Мироздания, которые открываются в Реку Времени...

– А кто стоял у другого колодца?

– У другого колодца стоял молодой король одной волшебной страны. Он совсем недавно стал королем, потому что его отец, у которого он был единственным, к тому же поздним, ребенком, умер.

– Жалко короля...

– Старого короля, конечно, жалко, но это же жизнь... Все люди, даже если они короли волшебной страны, в конце концов умирают. Тебя может утешить то, что старый король прожил долго, был всеми любим и уважаем и умер во сне, не испытывая никаких страданий.

Молодому королю было, во-первых, скучно. Дело в том, что у него была всего одна, правда, очень важная обязанность. Все остальное управление страной лежало на плечах министров и придворных. Но эту волшебную обязанность он

должен был выполнять сам. Во-вторых, у него была проблема, которую никто, ни один из его министров или придворных, решить не мог. Ее он должен был решить тоже сам.

– Кстати, молодому королю тоже нужно имя...

– Его будут звать Оло.

Так вот, обязанностью Оло было любить свою Землю. Вот буквально делать ее счастливой. 364 дня в году ему не нужно было ничего для этого предпринимать, разве что время от времени выглядывать из окна башни и восхищенно думать, какая же она красивая, его земля (и это была чистая правда!), но в день (вернее, в ночь) первого полнолуния после весеннего равноденствия король этой страны должен был уходить в волшебный лес, шептать Земле ласковые слова, гладить ее по траве, целовать в цветы... В общем, делать так, чтобы через девять месяцев земля родила богатый урожай.

– Помогало?

– Когда это делал старый король, вроде, помогало.

А вот у Оло как раз и возникла та самая проблема...

Как ты уже знаешь, Оло стал королем совсем недавно. И когда наша сказка началась, он стоял (вернее, сидел) у волшебного колодца, и как раз наступало утро после полнолуния после весеннего равноденствия...

– Послушай, Оло, – сказала ему Земля той ночью, – ты, собственно, женщину когда-нибудь любил?

– Как?

– Каком, таком, вперед и поперек! – обидно засмеялась Земля. – Все с тобой понятно... Папашка твой, да буду я ему пухом, в каждой деревеньке по десятку отпрысков имел, а тебе скоро 24, а ты всю жизнь провел... – Земле, знаешь ли, довольно трудно сделать ехидный голос, но она постаралась.

– ...В библиотеке!

– В общем, так. – продолжала Земля – Следующей весной, на этом самом месте, предъявишь мне наследника. Можно наследницу. И имей в виду, девкам тоже девять месяцев на это надобно, так что сроку тебе – до летнего солнцестояния. Понял? Выполнять! В этом году я как-нибудь без тебя справлюсь, батюшка твой... – казалось, Земля мурлыкала – Ох, и сильный был мужик... Но на будущий год, коли условия моего не выполнишь, лебеду жрать будете!

Вот так и получилось, что король Оло, проскучавший почти год в своем замке, сидел на рассвете с потерянными видом у волшебного колодца, пил мятный лимонад и думал, что чуть меньше, чем через два года, в день зимнего солнцестояния, его заставят подняться на ритуальный костер, а потом выберут нового короля...

Дело было в том, что девушек в замке не было. Когда-то в замке жили фрейлины его матери, но она умерла при родах, и с тех пор они повыходили замуж и жили в деревнях вокруг замка. Он мог, конечно, встречаться с деревенскими девчонками, но они были ширококостные, загорелые, грудастые, орастые и на голову его, тощего доходяги, выше.

– *Надо значит ехать Оло в другое королевство...*

– *Он тоже об этом подумал...*

Оло стал даже прикидывать, куда же поехать: к Султану Знойной пустыни, Императору Восточных гор, или Президенту Западных городов? Но ни у кого из них не было дочерей! В отчаянии он даже вспомнил о Шамане Северной Тундры, но тут услышал из колодца усталое «ау» сказанное хрустальным, но чуть хрипловатым от жажды девичьим голосом...

– *Оло, наверное, сначала испугался?*

– *Нет.*

Он ни капли не испугался. Хотя Земля и ехидничала, делала она это зря: Оло в библиотеке занимался делом; он прочитал кучу умных книг и, в частности, прекрасно знал свойства волшебных колодцев. А о том, что колодец волшебный, он догадался, еще когда вытащил из него ведро своего любимого мятного лимонада. Поэтому он и ответил: «Здравствуй, красна девица, что пить будешь?»

Как нам уже известно, проговорили Момо и Оло полдня, то есть, когда король вернулся в свой замок, солнце уже начинало клониться на Запад. Едва дождавшись следующего утра, он снова отправился к волшебному колодцу, прихватив бутерброды, шоколад и восхитительные кремовые пирожные...

Момо тоже пришла к колодцу на следующий день. Как бы

она не хорохорилась, но она действительно была одинока и ей хотелось с кем-нибудь поговорить, а Оло был приятным, умным собеседником. К тому же она никогда в жизни не ела пирожных, так что она стала приходить к колодцу каждый день. Так они проговорили почти три месяца, и за неделю до дня летнего солнцестояния король Оло, наконец, решился...

– На что решился?

– Это очень, очень, очень хороший вопрос... Дело в том, что когда вы имеете дело с волшебными колодцами, самый важный вопрос – не кто стоит возле другого колодца и даже не где именно он стоит. Ты же помнишь, что вода внизу – это Река Времени? Поэтому самый главный вопрос – «Когда?»

– Когда?

– Тебе я могу сказать. Через двадцать лет. Но Оло этого не знает.

– Так Оло к тому моменту будет 44 года.

– 43. Ему пока еще 24 не исполнилось. Но не будет. Его же на будущий год сожгут, если он невесту не найдет. Что делать?

– Плакать...

– Нет, нужно прыгнуть в колодец. Тогда можно окунуться в Реку Времени и вылезти из другого колодца. Проблема в том, что сделать это можно только один раз – человек так сильно баламутит время в Реке, что вернуться уже не получится – закинет не туда и не в тогда... Значит, кто должен прыгать?

– Момо?

– Правильно, Момо. Тогда она попадет к Оло как раз за неделю до летнего солнцестояния и они все успеют... Но ты же помнишь, сердце у Момо было замерзшим и холодным, как у лягушки.

Как Оло ее ни уговаривал, спускаться в колодец она наотрез отказалась. Он, конечно, выспрашивал у Момо, как ее найти, но она никогда не бывала дальше, чем в дне пути от замка их барона и никогда не поднималась выше, чем на старую башню, так что даже не представляла, где именно в бескрайнем мире находится их маленькая страна... Но если только Оло сможет найти ту страну, он сразу узнает, что это именно она, так хорошо Момо ее описала, он найдет там Момо, вот только когда ее искать, он так и не смог догадаться. Это мы с тобой знаем, что должно пройти почти двадцать лет, но ни Оло, ни Момо не имели ни единой зацепки.

Вот тогда-то Оло и решил отправиться искать Момо, он же не знал, что она в это время ходила пешком под стол... И только он собрался рассказать Момо о своем решении, как услышал ее крик...

– Что там у нее произошло?

– Над лесом пролетел огненный дракон! – кричала Момо – он поджег лес! Сейчас он меня сожрет! – и она со всех ног бросилась прочь от колодца. Сколько Оло не звал ее, он так больше ее и не услышал... «Ну что же» – подумал король. «У меня есть ровно половина от ничтожного шанса

найти Момо и спасти ее. Я могу сделать это, если это произошло не в прошлом, а значит, уже ничего изменить нельзя, и не в очень далеком будущем, до которого мне не дано дожить; к тому же я должен успеть найти ее до того, как прилетит дракон. Странно, кстати, откуда он мог взяться, драконов-то не бывает...»

Омо прикинул, что маленькая лесная страна может находиться далеко на востоке, к северу от владений Императора Восточных гор, немного не доходя до холодной северной тундры. Туда он и отправился. Пешком.

– Очень важно здесь отметить, что он не забыл перед уходом сделать Одну Очень Важную Вещь.

– Какую?

– Не скажу. Между прочим, можно догадаться.

– Нельзя.

– А если подумать?

– Мозг не хочет думать...

– Тогда терпи...

Итак, король, хотя теперь уже просто Оло, отправился на восток. Везде он спрашивал о маленькой лесной стране, в которой правит добродушный Барон и летают огненные драконы, но никто ничего о ней не слышал...

В странствиях прошло двадцать лет, и через тридевять земель он пришел в тридешатое царство. Он дошел до самой дальней его границы, зашел в маленькую придорожную харчевню, сел за стол, заказал пива и вдруг услышал, как вро-

де бы молодой, но явно бедный, да к тому же еще и пьяный в хлам странствующий рыцарь рассказывал своим собутыльникам: «...Тогда старый барон решил занять замок соседа, безродного выскочки; мы осаждали его замок четыре года, эх, сколько там было девок по окрестным деревням! Замок мы взяли, но при этом случайно сожгли его ко всем чертям и вернулись домой. Эта соплячка Момо, которая обещала меня ждать, даже не посмотрела в мою сторону, хотя на меня все окрестные девки вешались... Я ей сказал, что на такую гордячку в жизни никто не взглянет, а потом сиськи отвиснут и вообще смотреть не на что будет, так она мне пощечину засветила! А потом я служил в гвардии у молодого Барона, да ненароком залез под юбку его дочери и он меня вышвырнул из замка...»

– Простите, что прерываю Вашу беседу – обратился к рыцарю средних лет человек в потертом дорожном плаще, старых сапогах и с элегантной бородкой, в котором никто бы не узнал юного короля Оло – А где находится замок вашего бывшего сюзерена?

– В неделе пути по западной дороге!

– А не встречаются ли в Ваших краях драконы? – но ответом был только пьяный хохот...

За время странствий Оло обзавелся не только бородкой, жизненным опытом и уверенностью в себе; у него был еще прекрасный белый конь по имени Фердинанд.

Три дня и три ночи скакал Фердинанд по западной дороге,

а Оло шептал ему: «Быстрее, быстрее»; этому коню не нужны были ни кнут, ни шпоры, Оло обходился даже без шенкелей. И вот, наконец, перед ним открылась небольшая долина и Оло сразу узнал лесную страну, в которой жила Момо... Он направил Фердинанда в замок, спешил и стал спрашивать о Момо. «Ах, это Вы, господин, верно о нашей замковой поварешке говорите?» – сказала ему посудомойка – «Странная она... Не разговаривает почти ни с кем... Уже третий месяц каждый день ходит в рощу, что на холме за замком...»

– Как мне туда проехать?

– На коне не проедете, господин... Оставьте его в конюшне, всего талер в месяц, господин, и отправляйтесь пешком через старый подземный ход, а потом по тропинке позади замка...

Оло бросил женщине поводья и кошелек с талерами и побежал через полуразвалившийся туннель в лес. Когда он уже почти добежал до леса, небо с ужасающим грохотом прочертил огненный шар и рухнул в лес. «Дракон» – подумал Оло – «Девочка приняла болид за дракона» – и побежал еще быстрее.

«...Дракон!» – услышал он панический крик. Тот самый крик, который он уже слышал двадцать лет тому назад из волшебного колодца... «Он поджег лес! Он меня сейчас сожрет!» Оло обернулся на звук и тут из-за деревьев на него выскочила девушка, и, не успев остановиться, ударила об его грудь.

– Момо?

– Откуда Вы знаете мое имя, господин?

– Слишком долго объяснять – сказал Оло – Нам надо выбираться отсюда, здесь давно не было дождей, деревья горят, как спички...

Они побежали к замку, но все тропинки уже были перерезаны огнем.

– Надо вернуться к колодцу!

– Вы и про колодец знаете, господин?

– Веди меня туда!

И они помчались, что было сил, по горящему лесу к волшебному колодцу. Когда они подбежали к нему, Момо побледнела и сказала: «Я не пойду туда. Лучше я сгорю, чем спущусь в волшебный колодец... Еще ни один человек, спустившийся туда, не нашел дорогу назад...»

Оло начал было что-то объяснять, но огонь подбирался все ближе и ближе, жар становился все нестерпимее, уже даже волосы Момо начали потрескивать и дымиться. Тогда Оло схватил Момо в охапку и прыгнул в колодец.

«Плюх!» – сказало Время и куда-то их понесло.

– Нам надо выбираться поближе к берегу, чтобы можно было идти против течения! – крикнул Оло и погреб, бережно придерживая Момо, к берегу.

А с Момо случилась настоящая истерика. Она кричала, кусалась, царапалась и обзывала Оло нехорошими словами. «Мерзавец», «скотина» и «насильник» были из них самыми

приличными...

Наконец, под ногами Оло захрустел песок.

– Успокойся! – сказал он, как мог, убедительно, и резко встряхнул ее за плечи. – Все в порядке!

– В порядке?! – завопила Момо – Посмотри наверх!

Высоко-высоко над ними скалы на берегах потока Времени смыкались в недостижимой высоты свод, в котором угадывались стволы волшебных колодцев. Сотни, тысячи, миллионы входов во все места и времена...

– Как мы найдем выход отсюда? – заплакала Момо – даже если мы узнаем наш колодец, мы никогда не заберемся туда!

– Нам надо идти вверх по течению – хрипло сказал Оло. – На двадцать лет вверх... И не пей эту воду, а не то, когда мы доберемся, мне придется нести тебя на руках, завернутую в пеленки...

И они пошли. Неизвестно, сколько они шли, ведь в лабиринте, где течет Река Времени, понятия «долго» или «быстро» теряют смысл, но в конце концов они увидели веревочную лестницу, спускающуюся из одного из колодцев.

– Это и была Одна Очень Важная Вещь? Лестница?

– Совершенно верно, лестница, которую Оло спустил в колодец вчера утром двадцать лет тому назад...

Когда они выбрались на поверхность в Волшебной стране, было утро Дня Летнего Солнцестояния.

– Я – король Оло – сказал король Оло. – Это я разговари-

вал с тобой через волшебный колодец. Я искал тебя по всему свету двадцать лет. Я спас тебя от огненного дракона. Пойдешь за меня замуж?

– Она, конечно, согласилась?

– Увы, нет. У нее же все еще было замерзшее сердце...

– Ты женат на твоей Земле – сказала она. – Ты оторвал меня от моей родины, ты бросил меня в волшебный колодец, ты провел меня вспять по Реке Времени. Я потеряла себя, ты лишил меня всего, во что я верила, я забыла все, что я считала правильным. Я тебя ненавижу!

– Я тоже люблю тебя – сказал король...

...До самого полудня они спорили, ругались, и даже время от времени дрались, вернее, Момо барабанила кулачками по груди Оло, а он хохотал и нежно отводил ее руки. А в полдень Дня Летнего Солнцестояния, когда солнце самое жаркое за целый год, Оло поцеловал Момо в лоб, и солнце растопило лед в ее сердце и он вытек горячими слезами облегчения...

– Еще! – прошептала Момо. – Дурак, да не в лоб, в губы...

– А дальше?

– Все, сказка закончилась.

– Нет, они еще пожениться должны!

– Ну, это само собой. Устроили они свадебный пир. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. Вот теперь все. Ах, да, вот еще что...

Наследник родился ровно в день весеннего равноденствия. Оло принес его в волшебный лес и положил на Землю, и она ему сказала: «Подними немедленно, ребенка пропустишь!» А когда он уходил, кокетливо добавила: «Ну, а в полнолуние я тебя жду...»

1002-я ночь Шахерезады

На дворец спускалась душная ближневосточная ночь, не принося прохлады и облегчения.

Царь Шахрияр был не в духе, а когда он признался себе, почему именно, настроение испортилось еще сильнее.

Царь злился на себя, и злился из-за Шахерезады. Нет, дело было не в том, что вчера он оказался отцом троих очаровательных детей и даже не в том, что жена скрывала их почти три года, играя с ним, великим царем, как с детенышем диковинных зверьков, которых продают для борьбы с мышами нубийские торговцы. Дело было в том, что вчера она рассказала все сказки. Царя тянуло к Шахерезаде, но он боялся разочароваться. Оказалось, что тысячу ночей он был влюблен в собственную жену, а теперь не мог понять, в нее или в ее сказки...

Наконец, Шахрияр решительным шагом направился в гарем. В конце концов, рассудил он, если все очарование жены заключается в сказках, с ней можно поступить так же, как с предыдущими...

Дошло до меня, о Великий Царь, – начала Шахерезада как ни в чем не бывало, когда он утолил с ней свою нужду – что жил в городе Уршалим-аль-Кудс, при дворе царя Сулеймана-бин-Дауда великий мудрец...

– Так значит, ты вчера рассказала не все сказки? – грозно

спросил царь, но сердце его наполнилось радостью.

– Это не совсем сказка, мой господин – смутилась Шахерезада. – Это просто базарные сплетни, история, которую я услышала сегодня утром от торговки; мне она показалась поучительной и я подумала, что она может позабавить тебя, о Безупречный Царь.

– Я позволяю тебе потревожить мой слух глупыми сплетнями – церемонно сказал Шахрияр, а сердце его пело: «Услади мой слух, о свет очей моих и мать моих детей!»

– Говорят, – продолжала Шахерезада, – что именно он, а имя ему было Ибрагим Аль-Хаким, подсказал царю Сулейману в минуту душевной невзгоды, что написать, чтобы сердце его возрадовалось. И великий царь Сулейман бин Дауд приказал сделать кольцо, и выбить на нем надпись: «Все пройдет, пройдет и это», и смотрел на него, и печаль покидала сердце его.

За великую эту услугу царь Сулейман бин Дауд сделал Ибрагиму Аль-Хакиму воистину царский подарок: джинна в золотых цепях, запечатанных именем Сулеймана, но в кувшине с печатью Аль-Хакима, и приказал Сулейман джинну служить Ибрагиму Аль-Хакиму и сыновьям его, и сыновьям сыновей и их сыновьям, и так до окончания времен.

Я узнала от торговки, что живет в твоей столице, о Счастливый Царь, на улице Сук-Аль-Джумаль, искусный врач и чародей, и зовут его Саиф Аль-Хаким. Говорят еще, что рабы, которых он делает евнухами, не умирают от лихорад-

ки и не истекают кровью; что от порошков, которые он дает больным верблюдам, они становятся здоровыми и сильными, как трехлетки, и что он так искусно лечит вывихи и переломы, что руки и ноги остаются прямыми, как у годовалой кобылицы. И еще говорят, что в делах ему помогает джинн...

Шахрезада перевела дыхание и увидела, что Шахрияр спит, и на лице его блуждает счастливая улыбка. Тогда прекратила она дозволенные речи, свернулась калачиком у его плеча, положила руку на его широкую грудь и закрыла глаза...

Они проспали до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, и судил, назначал и отставлял, а когда наступил полдень, он сказал своему визирю: «Дошло до меня, мой визирь, друг мой и дед моих детей, что в моем городе, на улице Сук-Аль-Джумаль, живет искусный врач, по имени Саиф Аль-Хаким и что он врач, которому нет равного под небом. Пошли к нему гонца, и пусть скажет ему гонец, что царь Шахрияр оказывает ему, Саифу Аль-Хакиму, великую милость, и ждет его на закате дня во дворце и желает разделить с ним трапезу.»

И сделал визирь, как было приказано.

Когда солнце село, врач Аль-Хаким прибыл во дворец, и был препровожден к царю, и встретил царь его ласково, и ели они, и пили вместе, и вели беседу, и спросил царь Шахрияр:

– Правду ли говорят, что предок твой – Ибрагим Аль-Ха-

ким, который служил великому царю Сулейману бин Дауду, и за великую мудрость его сделал царь воистину царский подарок и служил Ибрагиму Аль-Хакиму джинн, и служил сыновьям его и сыновьям сыновей? Правда ли, что служит этот джинн тебе и помогает в делах?

Каково же было удивление царя Шахрияра, когда увидел он, что Саиф Аль-Хаким заплакал...

– Великий Царь, да продлит Аллах твои дни, все это истинная правда, – сказал врач, заливаясь слезами, – но джинн этот – не царская милость, а проклятие и погибель рода моего, ибо он жесток и коварен и извращает слова людей и творит зло. Я последний из рода Аль-Хаким и поклялся не иметь детей, чтобы не навлечь на них неисчислимых бедствий, ибо если не останется на земле никого, кто носит имя Аль-Хаким, то кувшин, в котором заточен джинн, будет запечатан навеки.

– Этот джинн может исполнить любое желание? – с интересом спросил царь.

– Нет, джинн не всемогущ, ибо всемогущ только Аллах – ответил Аль-Хаким, – и если ты, о Всемилостивый Царь, попросишь, например, войско, то джинн соберет со всех твоих земель мужчин, стариков и детей, и превратит их в солдат, не знающих страха, жалости и усталости, но никого не останется в землях твоих и придут они в запустение.

– Джинн служит только тебе?

– Да, о Великий Царь, и он убивает любого, кто принесет

вред его господину; но я могу попросить за тебя, если будет таково твое желание. Но заклинаю тебя, будь осторожен! – с этими словами Аль-Хаким достал из-за пазухи старый кувшин и вынул пробку...

В покоях царя потемнело, и перед царем и врачом появился джинн, огненный дух с кровью из дыма. «Слушаю и повинуюсь, мой господин!» – громовым голосом прорычал он.

– Я хочу – прокричал Аль-Хаким, – чтобы ты исполнил желание моего царя, великого Шахрияра; но прежде, чем ты сделаешь это, я хочу, чтобы ты сказал, как именно ты собираешься его исполнить! И ты исполнишь его, только если я разрешу!

– Уверяю тебя, о Великий Царь, это в интересах твоей собственной безопасности – поспешно сказал Аль-Хаким, увидев молнии гнева в глазах царя.

– Я хочу бессмертия! – крикнул царь, и ужаснулся, увидев выражение злобного торжества на огненном лице джинна.

– Остановись! – заорал Аль-Хаким, побледнев от страха – остановись и расскажи, что сделал ты с Мохаммедом Аль-Хакимом, моим прадедом?

– Я дал ему бессмертие, как он просил, – равнодушно ответил джинн.

– Он прожил очень долгую жизнь, – грустно сказал его хозяин. – Он получил бессмертие, но не получил вечного здоровья. В старости он страдал от всех известных и неизвестных болезней, он буквально гнил заживо, и страдани-

ям его не было конца. В отчаянии он перерезал себе горло, но не умер, а лишь хрипел, задыхался и постоянно захлебывался кровью... В конце концов он велел сложить костер, облил себя земляным маслом и поджег. Его кости вопили в огне, даже когда больше ничего не осталось, и я думаю, что пепел его летает по пустыне и корчится, не в силах умереть...

– Тогда, быть может, вечная молодость? – задумчиво сказал царь. – Впрочем, нет. Я хочу всегда оставаться таким, как сейчас... – и снова огонь злорадства вспыхнул в глазах джинна.

– Моя двоюродная бабка была молодой и прекрасной, и захотела того же, и превратилась в ледяную статую – вздохнул Саиф Аль-Хаким.

– Ничего подобного – мерзко хихикая, возразил джинн. – Я просто остановил ее время, чтобы в ней абсолютно ничего не изменилось...

– Он все понимает буквально – пояснил врач. – А люди чаще всего говорят не то, что на самом деле имеют в виду...

До глубокой ночи Шахрияр пытался придумать желание и каждый раз Саиф Аль-Хаким качал головой, а джинн рассказывал какую-нибудь душераздирающую историю. На двоюродном дедушке, лишившемся ног от нечеткой формулировки желаемого размера мужского достоинства, царь сдался.

– Что же он делает для тебя, мой друг и многократный спаситель? Волшебные лекарства? – спросил он.

– Подает инструменты и греет тигли своим огнем, – усмехнулся врач. – Больше ничего полезного я не могу придумать.

И изумился царь, и богато наградил врача Саифа Аль-Хакима, и разрешил ему и потомкам его («Инш'Алла» – весело сказал царь, увидев поднятую бровь врача) жить в столице вечно и заниматься любым ремеслом, каким они пожелают, а сам в задумчивости отправился бродить по дворцу.

Он сам не заметил, как ноги привели его к двери Шахерезады, и увидел он ее туфли снаружи и вошел к ней и сел на ее постель.

– Шахерезада, жена моя и мать моих детей, – сказал царь. – Я встретил сегодня удивительного человека, о котором ты говорила мне вчера. Ему действительно служит джинн, но он коварен и зол и причинил роду Аль-Хаким неисчислимы бедствия...

– Джиннов Аллах обделил умом, даже Сулейман-бин-Дауд использовал их только для поднятия тяжестей и передачи писем, – сказала Шахерезада. – Больше ни на что они не годны. Правда, четыре джинна держали углы ковра, на котором царь Сулейман летал по небу, но здесь-то только один...

– Я так и не смог придумать никакого желания... Понял! Завтра я снова позову Аль Хакима и пожелаю вечной любви! – сказал Шахрияр и услышал нежный смех Шахерезады:

– Слушаю и повинуюсь, мой господин...

Еще раз про Ивана-царевича

...Кашей бился в агонии у ног Ивана-царевича, а он все теребил и теребил иголку, не решаясь ни задать мучавший его вопрос, потому что страшился услышать ответ, который лишил бы смысла большую часть его жизни, ни выкинуть эту проклятую занозу из головы навсегда...

Ему уже за сорок, а его любимая, его желанная лапушка, стоящая в углу, не постарела ни на день... Иван снова, в несчетный уже раз, вспомнил ту страшную ночь – («Боже мой, мне тогда было всего семнадцать!») – в ноздри снова ударил запах горелой кожи, под ногами захрустело стекло, выбитое вихрем, в ушах зазвучал крик: «Что же ты наделал?! Ищи меня теперь за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кашея Бессмертного!»

Тогда-то и начались его многолетние странствования; а сегодня, в мрачном замке, на черном полу которого корчится его хозяин, им должен прийти конец...

...Двадцать второе, или около того, государство раскинулось оливковыми рощами и виноградниками под синим-синим небом, к синему-синему морю стайками сбегали белоснежные домики, на холмах высились великолепные колоннады храмов чужих богов. Иван спешил у маленького постоянного двора, вывеска на котором гласила «Πυγμαλίων και

Γαλάτεια»¹, где его встретил высокий старик и отвел в маленький дворик, увитый виноградом. «Меня зовут Пигмалион» – представился он, ставя на стол чашу холодного терпкого белого вина. «Иван» – ответил царевич. «Добро пожаловать, Иоаннис, почувствуй себя, как дома»

В центре дворика стояла небольшая статуя, закрытая покрывалом. «Γαλάτεια» – прочитал Иван-царевич на постаменте. «Это Ваша жена?» – «Была» – кратко ответил старик. «Она умерла?» – «В некотором роде...» Иван не понял, как такое может быть, смутился и забормотал слова извинения...

– А ты куда путь держишь? – спросил Пигмалион, и Иван рассказал ему все – и о блажи отца, и о стреле, улетевшей на болото, о лягушке, подобравшей стрелу, и о том, как решил он пошутить над отцом и положил лягушку в карман, о гневце царя, о том, как тащили его на свадьбу шестеро стрельцов, о испытаниях, которые устроил отец для невесток, о том злосчастном пире, на котором ему хотелось только одного: напиться до беспамьтства, чтобы не слышать насмешек – и это ему почти удалось; и о невозможной, сводящей с ума красоте той, которая назвалась его женой...

– А потом я встал воды принести, на полу шкурку увидел лягушечью, и ее сжег. Я хотел как лучше, а ее Кашей Бесмертнй унес... – закончил свою повесть Иван-царевич.

– Знаешь, сынок, – задумчиво сказал Пигмалион, – а ты

¹ Пигмалион и Галатея

не задумывался о том, что, возможно, этот ваш Кащей оказал тебе услугу?

– Да Вы что? – вскинулся Иван, но старик примирительно положил руку ему на плечо.

– Я расскажу тебе свою историю, и ты многое поймешь... Как всем тут известно, когда-то я сделал статую из слоновой кости... Статуя была столь прекрасна, а я столь молод и глуп, что я влюбился в нее... Много дней я провел в бесплодных страданиях, пока, наконец, Афродита не вдохнула в нее жизнь.

– И вы жили долго и счастливо? – обрадовался царевич.

– Долго, – согласился Пигмалион. – И первое время даже счастливо. Она мне детей родила...

– А потом?

– А потом оказалось, что она как была слоновой костью, так ей и осталась – вздохнул старик. – Ни ума, ни сердца, одна красота. В конце концов я к ней охладел, и она опять стала статуей... А я забросил искусство и доживаю свой век на этом постоялом дворе.

– Ну а я-то тут причем? – продолжал упрямяться Иван.

– Ну как же... – терпеливо стал объяснять злосчастный скульптор – Ну вот найдешь ты ее, домой привезешь, а жена твоя так и останется лягушкой, хоть и в облике человека... А тебе с ней – жить. Может, ну ее?

– Нет! – возразил Иван-царевич. – У вас статуя была. А моя жена – наоборот, девушка. Теплая... Только вот ее

в лягушку превратили...

– Если так, то, значит, я неправ. Очень рад буду этому. Вот только ты-то откуда это знаешь?

– Ну как, – уверенно ответил Иван – Она мне говорила...

– Мало ли что она тебе говорила... Ты понимаешь, Иоаннис, что вся жизнь твоя зависит от того, девушка она, превращенная в лягушку, или лягушка, превращенная в девушку?

– А как это узнать? – растерялся царевич.

– Не знаю. – признался Пигмалион. – Ну вот... Когда вы... Ну, любили друг друга, она как?

– Я... это... Пьяный был... – смутился Иван-царевич. – Ну, кричала она, что больно... А потом я шкурку лягушечью в печку бросил и вихрь черный налетел...

...Кашей бился в агонии у ног Ивана-царевича, а он все теребил и теребил иголку... Из угла выжидающе смотрела на него его нежная желанная лапушка, не постаревшая ни на один день...

– Слышь, Кашей – вдруг сказал Иван, – А кто она: девушка или лягушка?

– Ломай... – прохрипел Кашей. – Сам потом узнаешь...

Иванушка-Дурачок и Василиса Премудрая

Сенокос был в самом разгаре. Когда солнце поднялось, Иванушка, которого люди давно уже уважительно звали Иваном Емельяновичем, отложил косу, кликнул старшего сына и зашагал в тень маленькой рощицы. Там его дочь уже разложила немудреную снедь...

Пополудневав, семейство прилегло в тени. Дети сразу же, прижавшись к нему, засопели, а Иван лежал в полудреме, и то ли от жары, то ли от оглушительного стрекота кузнециков навалились на него мысли о том, как же удивительно сложилась его судьба...

Был он странненьким – с самого детства не мог он поднять руку ни на одно живое существо, даже комаров не прихлопывал, а сдувал. Разумеется, был постоянно бит мальчишками и даже девчонками, но никогда не давал сдачи. Взрослые вздыхали: «юродивый», а среди сверстников прочно приклеилось к нему обидное прозвище «дурачок»...

Первый крутой вираж жизнь заложила, когда детство уже давно прошло. Сверстники все переженились, а он все ходил женихом, до крайности незавидным – мечтателем, песенником, похабником и лентяем. Песни его людям нравились, за это его кормили, а большего ему было и не нужно. Тогда-то он и отобрал в лесу у ребяташек странного вида

змею, которую те собирались забить палками...

Змея оказалась дочерью змеиного царя и подарила ему волшебный ларец. Двое из ларца, одинаковых с лица, могли за одну ночь смастерить почти все, что угодно...

Иванушку обуяла гордыня. Захотелось ему ни больше, ни меньше, а жениться на царской дочери. («Дурак был, как есть дурак» – вздохнул про себя Иван). Жениться-то он женился, но царевна оказалась дурой и стервой и ни в грош не ставила своего мужа из-за его низкого происхождения.

В конце концов, первая жена от Ивана сбежала вместе с волшебным ларцом. Царь разгневался не на шутку и пытался заставить ее вернуться, но она уперлась. Отдала она, да и то не сразу, только ларец.

Иван возвратился в родную деревню, отстроил дом и взялся за ум. Мать сосватала ему девушку Василису, которую никто не хотел брать в жены из-за ее невзрачного вида, излишнего ума и острого языка. «Ты-то у меня совсем юродивый, а она тебя уму-разуму-то научит» – уверяла мать. Так и вышло.

Василиса сразу придумала, как можно с пользой применить двоих из ларца, приспособления, ею придуманные, использовались не только в хозяйстве, она делала устройства даже для царского войска...

Иван свою жену любил. Она была умна, добра, в доме было чисто, вечером его всегда ждал горячий обед. Дети росли умными и красивыми. Люди уважали его и Василису –

звали ее Премудрой. И даже царь... ну, скажем так, отдавал ей должное. За ровню, понятное дело, не держал, но и прошлым не тыкал – хотя и не забыл – и, несмотря на властный и крутой нрав, спорить с Василисой, из-за ее острого языка, казалось, побаивался...

Единственным, пожалуй, ее недостатком была обидчивость. Нет, она никогда не обижалась не по делу, но причина могла быть совершенно микроскопической, а без ответа обида не оставалась никогда, и ответ был выверен до мелочей. Иван всегда чувствовал себя виноватым, когда Василиса дулась, страдал и ходил за ней, как теленок, стараясь ей угодить, и ровно в тот момент, когда стыд становился невыносимым, наказание заканчивалось – Василиса становилась прежней, родной и любимой...

Да, жаловаться Ивану было совершенно не на что. Но душа томилась, а песни больше не приходили...

Сказка о мертвой царевне и настоящей Любви

Королевич Елисей вернулся из долгого похода с победой и богатой данью. Отгремел пир, жизнь вошла в обычную колею, но не прошло и месяца, как в ворота постучалась беда.

На этот раз она приняла образ оборванца, у ворот дворца умолявшего пропустить его к Королевичу Елисею и наотрез отказывавшегося сообщить важную, по его словам, весть кому бы то ни было... Сначала стража не обращала на него внимания – мало ли юродивых ошивается возле дворца, потом пыталась прогнать, потом пригрозила темницей, если он немедленно не уберется с глаз долой. На счастье оборванца, королевич пошел проверять караулы, поинтересовался, кто там выкрикивает его имя и приказал привести странника пред свои светлые очи.

– Беда, батюшка! – бухнулся ему в ноги странный пришелец. – Не вели казнить, вели слово молвить!

– Говори. – велел королевич, и сердце его заняло от дурного предчувствия...

– Марью-царевну мачеха извела! – ...с беззвучным воплем боли сердце оборвалось и рухнуло куда-то вниз...

...Марья-царевна, суженая, Марьюшка, Машенька... Дочь друга и союзника, царя Гвидона... Елисей, как в тумане, вспоминал ее улыбку, бездонные синие глаза и тяжелую,

с руку толщиной и длиной почти до земли золотую косу...

– ...в гробу хрустальном, семь братьев-разбойников лесных гроб охраняют – продолжал бубнить странный гонец.

– Где?!

– Так в лесу, что за холмами, на границе царства нашего, если на север идти... – зататорил оборванец.

– Коня мне! – крикнул королевич, бросая вестнику кошель. – Быстро!

Долго ли, коротко ли ехал королевич, но, наконец, приехал к дремучему, темному лесу. На опушке он увидел избушку на курьих ножках; как полагается, попросил ее повернуться и с глубоким поклоном (уж больно низка была притолока) поздоровался с Бабой Ягой.

– Заходи, заходи, добрый молодец! Что ж ты, дела пытаешь, аль от дела лытаешь?

– Да вот, суженую свою, Марью-царевну, разыскиваю... Говорят, сгубила ее мачеха, так хоть могилу ее увидеть...

– Вон оно как... – помрачнела старуха. Потом придвинулась к королевичу и так долго и пристально смотрела ему в глаза, что по спине его побежали мурашки, и грозно спросила:

– Любишь ее?

– Люблю, бабушка!

– Тогда ступай по тропинке. Дойдешь до дороги, пойдешь по ней налево. Там сам увидишь все, а сердце тебе подскажет, что делать. Ступай!

Не прошло и часа, как королевич выехал на дорогу, идущую через лес. Как было сказано, Елисей повернул налево. Вскоре он с удивлением заметил указатель с кривой надписью «Гроб Хрустальный» и стрелкой. По крайней мере, ехал королевич правильно.

«Гроб Хрустальный» оказался низкопробным трактиром. В темном зале с низкими, закопченными потолками воняло сивухой, тухлятиной, из которой варили похлебку, и блевотиной. Какая-то женщина, шаркая ногами, ходила между столов и, низко опустив голову, подавала еду и выпивку, а мужчины, сидящие за столами, грубо орали ей: «Пошевеливайся!» Королевич Елисей сел за свободный стол и женщина повернулась к нему...

Елисей похолодел. Это была она, его ненаглядная, Марюшка, Машенька, но в глазах ее застыло столько боли и страха, что они казались мертвыми.

– Ты... Не может быть... – прошептала она и рухнула без чувств.

Королевич подхватил девушку на руки, посадил ее на коня, вспрыгнул в седло, но тут какой-то быдловатый парень схватил коня под уздцы.

– Кууда? – широко, но фальшиво улыбаясь, спросил парень – Хочешь побаловаться? Гони золотой и валяй наверх, там комната есть...

– Пшел вон, смерд – сказал Елисей, едва сдерживая рвущийся наружу гнев, но парень, не отпуская поводьев, засви-

стел в два пальца. Елисей с каким-то звериным удовольствием пнул кованым сапогом в рябое лицо и удовлетворенно услышал хруст и хлопанье ломающегося носа. Свист оборвался, но из трактира выскочили братья и просто любопытные, поглядеть на забаву. Королевич достал из ножен меч и все претензии к нему, по-видимому, отпали – по крайней мере, приблизиться никто не рискнул...

Елисей гнал коня. Марья-царевна пришла в себя, но только подвывала тихонько, да с таким отчаянием, что на глаза королевичу наворачивались слезы. Он примчался к избушке Бабы Яги, бросился ей в ноги:

– Помоги, бабушка! Посмотри, что с ней сделали! Может, зелье у тебя какое есть?

– Баньку я истопила, чуяла, что сюда ты ее принесешь – кивнула старуха. – Попарю ее сейчас, а дальше ты сам. Если любишь – получится...

...Королевич Елисей и Марья-царевна лежали, обнявшись, в душистом сене. Сначала царевна только выла без слез, а королевич нежно целовал ей кончики пальцев. Потом разрыдалась на груди Елисея; потом, захлебываясь слезами, рассказывала, как пожалела ее служанка и не стала связывать руки и ноги, вопреки приказу мачехи. Как набрела Марья на ночь глядя на притон братьев.

– Их люди из села выгнали, беспредельщики они... А куда мне было податься? Вот и стала у них... цацкой...

Королевич прижал любимую к груди, и наконец, рыдания

стихли и их губы, а потом и тела, слились воедино, могучим потоком любви смывая всю грязь и боль...

– Я была как мертвая, а ты разбудил меня, и теперь я снова могу наслаждаться жизнью...

– Ну на самом-то деле, ты не просто можешь, ты должна...

– Как? Я боюсь, я не знаю, как жить в этом мире...

– Ничего не бойся, теперь я всегда буду с тобой... Ладно, спи давай, завтра домой поедем...

Сизиф

До вершины оставалось всего ничего, и Сизиф напрягся. Вот сейчас, еще чуть-чуть, и руки не выдержат, нужно будет отпрыгнуть в сторону и камень снова покатится вниз...

...Когда-то давно, когда потрясение от собственной смерти и от тяжести наказания за давнюю оплошность слегка притупилось, Сизиф пытался считать подъемы на гору. Когда дошел до «Μυριάκις μυριοί»² был счастлив, как ребенок; была бы у него чаша с вином, отпраздновал бы... Вскоре считать он бросил.

Долгое время потом Сизиф не думал вообще ни о чем, тупо, механически толкая камень вверх; когда камень срывался, даже не радовался короткому отдыху, спускался вниз медленно, шаркая ногами и не глядя по сторонам – все равно вид протоптанной им дороги он знал наизусть до мельчайших подробностей.

Потом бывший царь стал заключать сам с собой пари, в каком именно месте сорвется камень. Потом стал устанавливать себе предел, до которого камень во что бы то ни стало нужно было дотолкать. Потом стал понемногу отодвигать его вверх. Это оказалось неожиданно непросто, одной силы было явно недостаточно. Любая неровность на дороге, любая

² Десять тысяч раз по десять тысяч; сто миллионов, самое большое число, использовавшееся в Древней Греции

выщербинка на камне могла стать роковой, но Сизиф не сдавался. В конце концов, времени у него в запасе было не просто много, а бесконечно много...

...Со странным не то криком, не то стоном, не то кряхтением Сизиф толкнул камень еще чуть-чуть вверх, камень поддался – и замер на вершине, угнездившись в словно специально приготовленной для него ложбинке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.